

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ

Для меня увидеть что-то новое и испытать себя стало неотъемлемой частью моего существования. Я и уговорил друзей совершить это плавание на резиновых лодках и половить харюза, ленка и тайменя на таёжных речках, впадающих в Каменку. Договорились взять по две недели в счёт отпуска и с двадцатого июня уехать до районного центра, оттуда на рейсовом автобусе добраться до Южно-Енисейска, а уже там спустить на воды Удерея весь наш флот и начать плавание. Десять дней среди тайги, рыбалка, уха и жажда новых впечатлений подстёгивали нас, и мы дружно готовились к походу.

Южно-Енисейск стоит в котловине, по которой протекает Удерея, река быстрая и своенравная, когда-то она славилась тайменем, но драги, что взбаламутили реку, выжили того в Каменку, а после и в Ангару. Посёлок очень старый, бывший центр золотодобычи, самый золотоносный в Красноярском крае. Когда-то по ручьям, впадающим в Удерея, работали старатели и первая, ещё американская одночерпаковая драга. И вот с тех пор всё перерабатывают и перерабатывают эти ручьи и Удерея, пропуская всё содержимое реки через нутро драги, выбрасывая в отвалы чистый гравий, отправляя глину и ил по Удерею до Ангары – ради суточного смыва золотого песка, иногда доходящего до килограмма. Драга двигается по реке за счёт лебёдок и тросов, вгрызаясь

своими черпаками в дно и берега реки, вываливает породу на транспортёр, который несёт её в крутящийся барабан, где её размывают сильные струи воды. Золотой песок проваливается вместе с водой на смывочные резиновые коврики, оседает в ячейках, а потом бригада женщин-съёмщиц меняет эти коврики, собирает песок и отправляет в жарочный шкаф, где песок спекается в кусок, цветом напоминающий детскую неожиданность.

Подхватив наши лодки, Удереи весело их понёс на себе, покачивая на волнах, а мы ещё почти полчаса слышали над рекой разносящийся по тайге этот металлический звук вгрызающейся в берега реки драги. Река несла нас мимо берегов, поросших сосняком, лиственницей, а то вдруг берег становился мшистым болотом, поросшим карликовой берёзкой, багульником и непроходимыми зарослями жимолости. Вытащив лодки на берег, перевернули их и занялись устройством лагеря. Мне хотелось поскорее постоять на какой-нибудь яме и, если повезёт, подсесть и выбросить на берег харюза.

Почти у самого берега поплавок исчез под водой, в прозрачной воде показался огромный харюзина, изгибавшийся и старающийся уйти снова в яму. Но место ему было уготовано на берегу. На каждой яме стояло по два харюза, какая-то непонятная закономерность – даже сорвавшись с крючка, хариус через некоторое время снова хватал морышку.

В переводе Ишимба значит «горелая река». Почему так, становится понятным, как увидишь камни и гальку на её берегах. Они все оплавлены – вулканического происхождения.

Уха получилась превосходная, три сварённых харюза белели на бересте, что заменяла нам скатерть. Поужинав и напившись чаю, лежали у потрескивающего искрами костра, и лень было даже думать. Смотрели на дым, что столбом тянулся к вершинам елей и только там уже расплзался по распадку. Уставшие от пережитого полного впечатлений дня, скоро заснули.

А впереди, над Удереем, всходило солнце, заливая всё вокруг своей живительной силой. Ожили и мы, начали весело укладывать вещи в лодки. И снова беспокойный Удереи стал покачивать нас на своей груди. Вперёд, к новым приключениям!!! Перед впадением в Каменку Удереи сдвинул, как брови, берега, и его мутная вода бурлила и билась о валуны, торчащие из воды. Некоторые были не видны, и только водоворот показывал, что здесь валун или скала. Мы переплыли через Каменку на противоположный берег и решили задержаться здесь часа на три, чтобы порыбачить

в чистой прозрачной воде реки, где издали можно было увидеть ленку, стоящего на плёсе.

Идти по берегу Каменки – сплошное удовольствие. Берег, как кремлёвская брусчатка, отполирован весенними половодьями. После половодья вода резко и намного падает, весь мусор, что она несла из тайги, оседает высоко на берегу, среди кустарника и деревьев. К осени берега зарастают сочной травой – покосы отличные, только кому косить? Медведю не надо. И частенько он выходит из тайги на берег искупаться и поваляться в этой траве.

На перекате харюзки брали жадно, частенько срывались с крючка, но их было не жалко, после ишимбинских килограммовых красавцев это были карлики, их рыбаки зовут «белячками». «Белячку» надо ещё год или два пасть в таёжных речках, чтобы, наконец, стать настоящим харюзом.

– Ладно, в уху пойдут, – успокаивал себя и меня Витёк, выкидывая из воды очередного харюзка на брусчатку.

Подплыли к речке Паренда. Это скорее ручей, чем речка, весь заросший кустарником, черёмухой, так что на нём не было возможности поднять удилище, а уж тем более закинуть мормышку точно в цель. Глубокие плёсы переходили в перекаты, и за каждым поворотом – чудесная яма, где у самого дна стояли светловатого тона харюза. Дно речки было песчаное с каменюшником. Иногда здесь хватали мормышку и красавцы сиги, ленки.

Ранним утром отплыли от Каталанги и часа три спускались по Каменке до Бальдоги. Уже за час до речки берега сменились унылым мшистым болотом. Каменка разрезает этот мир кустарника и мха, мир кровососущего гнуса и одуряющего запаха багульника. На правом берегу, прямо напротив устья Бальдоги, стоит изба и загон с конюшней. Здесь живёт Каменский лесник, шустрый, вертлявый мужичонка. У него лошадь, лодка с мотором «Вихрь», чтобы добираться из деревни на свой участок. Причалили и остановились около его лодки.

Олег, который изнервничался из-за того, что мы проплыли мимо стольких хороших мест для забросов, схватил спиннинг и помчался к ближайшему валуну – попытать счастья. К нам вышел хозяин избы, поздоровался, узнал меня, стал спрашивать об общих знакомых. В это время у Олега схватил таймень, и тот ликовал на всю тайгу, но ликование было недолгим – рыбина ушла, прихватив с собой блесну и несколько метров леси.

– Не переживай, ты не один такой, – сказал лесник Олегу. – Этот таймень здесь уже несколько лет всех рыбаков терроризи-

рует. Умный, зараза. Как только почувет, что его тянут – стрелой вперед и отрезает, как ножом, леску. Как его только ни пробовали ловить: и на «мышья» – корабликом, и даже сетью пробовали – уходит всегда. Я думаю, не Болотная Баба ли его подсылает?

– Какая Болотная Баба? – спросил снова Витёк.

– А речка Бальдога с тунгусского переводиться как «болотная баба». Её тунгусы очень боялись и не связывались с ней, даже не селились в этих местах, а болото стороной обходили. Вот у русских есть леший, так тот – милый парнишка против неё! Ох, и вредная ведьма!

– Неужели вы верите в этот бред? – сказал Олег. – Да никакой тут ведьмы нет, и таймень просто случайно перекусил леску! Вот через пару часиков снова покидаю.

– Кидай, кидай, если много блёсен! У него их там, на дне, наверное, целый музей.

– А вы эту Болотную Бабу сами не встречали? Какая она? – спросил Витёк, он любил такие истории и верил в них.

– Видеть не видел, – ответил лесник, – но крови она мне много попортила. Я ведь и не ночую здесь. У меня другая изба повыше отсюда есть, там и живу, а здесь упаси Бог! Вот три года назад двое мужиков из Богучан пошли по Бальдоге рыбачить и встретили сохатого, завалили его и собрались свежевать, да вдруг такой ветер поднялся, такой вой, потом вдруг разом всё стихло. Они смотрят: место как бы другое, сохатого нет. Вокруг то же болото, а речки нет. Пошли они на солнце, два дня шли и вышли на Енисей, аж где-то около Ярцево. Это ж как их перебросило-то за тыщу километров! Добрались до дома, попросили друга на Каменку сплавать за их моторкой, сами больше никогда здесь не показывались, вот как напугались!

– Может, смерч был? – предположил Олег.

– Какой смерч! Тут, отродясь, такого не бывало, это всё Болотная Баба – её проделки. Так что не советую вам по речке-то ходить, здесь давно уже никто не ходит.

– Ну, тогда всё ясно, – подытожил Олег. – Теперь обязательно пойду по речке и посмотрю, что это за баба такая здесь командует.

– Дело хозяйское, иди, посмотри, а я собираюсь, сегодня до дому, так что можете ночевать в этой избе, – сказал нам лесник и пошёл собираться.

Тропа от устья речки была твёрдая, и шли мы по ней легко. Через полкилометра увидели заездок – перегороженную металлической сеткой реку и лоток, по которому спускающаяся вниз рыба попадала в ловчую яму.

– Вот и вся разгадка его басен про какую-то бабу! Думал, на дураков напал, не хотел, чтобы мы видели его «труды», – сказал Олег.

От заездка тропа стала похуже, но начали попадаться ямы, и мы принялись за рыбалку. Харюза попадались часто и крупные. Мы нашли небольшую отмель, решив вскипятить чайку, а потом почистить и засолить пойманную рыбу. Засолив рыбу, пили чай, и Олег предложил срезать по болоту по прямой путь до речки, которая делала огромные петли, и потом идти назад с рыбалкой – как раз успеем к вечеру выйти на Каменку. Дёрнул меня чёрт его послушать, ведь знал, что идти мшистым болотом без тропы – это самоубийство, но тоже хотелось как лучше, тем более желанный просвет, на который нам надо было выйти, казался таким близким.

И вот мы идём уже час, второй, обливаясь потом. Над нами гул от мошки и комара, противокмарные сетки – мокрые от пота. А до заветного места расстояние не меняется. Через час мы понимаем, что сбились с курса и находимся где-то в центре болота, а где Бальдога – непонятно. Ясно только, что идти на Каменку нужно, на заход солнца. Олег достаёт компас, и мы, плюнув на рыбалку, думаем только о том, чтобы успеть до ночи выйти на берег Каменки. Ещё два часа пытки болотом. Солнце закатывается и становится прохладнее, мошки уже меньше. Олег не выдерживает:

– Всё, хорош, ночуем здесь, дальше не пойду! Отдохнём, а утром пойдём дальше.

Лёжа на мху, как на перине, не хотелось думать, что скоро вставать и двигаться дальше. Перед тем, как идти, Олег высыпал из своего бачка всю засоленную рыбу и предложил мне сделать то же самое, но я отказался, подумав про себя:

– А вдруг придётся скитаться с неделю, что жрать тогда? Теперь налегке Олег шёл первым, поглядывая на компас. Ещё через час я почуял носом присутствие воды.

– Река рядом, – сообщил я Олегу.

Подбадриваешь? – ответил тот, но вскоре его слух уловил шум текущей воды.

Мы вышли на берег Каменки выше избы лесника на километр и пошли вниз к лодке. Потом, переплыв Каменку, ввалились в избу. Витёк не спал, сообщил, что таймень играет в реке.

– Такие «свечки» делает! – говорил он.

И точно: мы услышали громкий «плюх» по воде. Олег, вскочив, схватил свой спиннинг и умчался на берег, а мы с Витьком, умыв-

шись водой из Каменки, уселись у костра чаёвничать и глядели, как Олег делает заброс за забросом.

Таймень схватил неожиданно для нас, но не для Олега. Тот резко подсёк и, не давая рыбине опомниться, крутил катушку, выбирая слабинку лески.

– Не уйдёшь, даже не думай! – орал Олег на всю реку.

Мы бросились к нему – вдруг понадобится помощь. И она точно понадобилась. Таймень, очухавшись, рванул вперёд, но не рассчитал и вылетел на каменюшник берега, «выплюнув» блесну. Изогнулся головой к воде, собираясь исчезнуть в родной стихии, но мы с Витьком оказались шустрее: заскочив в воду, отрезали ему дорогу к отступлению и бросились на него. Я пинал рыбину ногами, выкидывая её на берег, а Витёк старался ухватить её руками под жабры, но скользкий оборотень никак не хотел сдаваться. Подоспевший Олег ударил ножом в череп рыбины, и та затихла. Оттащив её подальше, мы стали разглядывать тайменя. Это был воин. Весь в заросших шрамах: рваные раны на губе и морде, одного глаза не было. Витёк сбегал за фотоаппаратом и начал фотографировать и победителя, и побеждённого.

Перед тем, как мы отплыли дальше по реке, Олег написал записку леснику: «Оборотня я выловил, оставляю тебе его плавник». И прижал записку плавником тайменя.

Каждую весну Каменка корёжит устье Удоронги и меняет его. Вот и нынче Удоронга пробила несколько ручьёв в гравийном берегу Каменки, эти светлые ручьи сразу теряются в мутной воде. Но рыбачить здесь на устье очень удобно: стой себе на берегу и кидай мормышку точно по струе чистой воды, и, как только её подтащит к мути, со дна отрывается хариус или ленок и хватает, успевай только подсекать.

На первой же яме у меня схватил приличный ленок. Ох, и чертовски красив он, когда вытаскиваешь его из воды, переливается всеми красками, а потом на песке начинает блёкнуть. У Олега тоже схватил ленок, но полуторакилограммовая рыбина сразу же оторвала поводок вместе с мормышкой, даже не показавшись в воде. Олег плюнул и пошёл вперёд, а я остался в надежде, что рано или поздно этот ленок схватит мою блесёнку. Только через полчаса мне удалось зацепить этого красавца. Из его пасти я вытащил Олегову мормышку.

Когда мы отплывали от Удоронги, наши лодки были уже хорошо загружены: мы знали, что на последних речках слишком не

обрыбисься. Проплыли остров Седло: здесь постоянный переход через Каменку сохатых, неподалёку находится естественный солонец, и туда идут отовсюду лоси полизать эту соленоватую землю, грязь. Тут на солонце их ждут охотники и в упор стреляют, вынося мясо на лодки-моторки. Кладбищем стал солонец – везде кости сохатых, бутылки из-под водки. Здесь даже валяется рваная гармошка, хорошо, видно, гульнул кто-то.

– Медведь меня доконал совсем, не выпускает из избы! Сначала убил мою собачонку, а теперь, видимо, меня хочет! – говорил Абориген нам, цепко оглядывая каждого.

– Я думал, это он пришёл. Как вечер – приходит, вокруг избы походит, в дверь толкнётся и рычит, скотина. Помогайте, мужики, вижу, у вас ружья есть.

Решили переночевать у Аборигена. Олег сбегал к Витьку, предупредил его о предстоящей охоте, взял из рюкзака патроны для своей пятизарядки, фотоаппарат. Мы осмотрели место и прикинули, как встретим шалуна, чтобы сразу и наверняка. Рядом с избой из построек был только деревянный туалет.

– Может, в нём засядешь, и будешь ждать? – предложил я Олегу.

Медведь пришёл, как только село солнце. Олег не растерялся, выждал, когда он подойдёт близко, и выстрелил в упор – промазать здесь было трудно. Это был пестун, годовалый балбес, но он мог бы стать большим наказанием для людей. Олег снимал с него шкуру и был очень доволен охотой. Мясо и жир оставили Аборигену. Тот стал нам другом и приглашал заходить к нему в любое время. У него в избе была целая библиотека: множество журналов и книг. Откуда он только это всё собрал?

Он рассказал, что жил когда-то в Москве, закончил МГУ, потом переехал в Красноярск, а жена не захотела уезжать из столицы и подала на развод, детей у них не было. В Красноярске он не смог вписаться в преподавательский состав и ушёл работать простым рабочим. Потом случайно встретил вербовщика и завербовался в тайгу вздымщиком. Он тогда и не знал о такой специальности. Родители от него отвернулись, и он жил в тайге один, но зато свободный от человеческих пороков.

– Не тянет к людям? – спросил я.

– Сначала было такое, а потом постепенно привык. Да и скучать некогда было: работа, а потом рыбалка. Научился ловить зверьков силками да капканами – на этом и живу.

Я понимал его: в тайге жизнь течёт по другому времени. Люди в городах ускорили её темп, и многое им не видится из-за этой скорости, многое пролетает мимо, как за окнами поезда.

– Однажды мастер приехал на времянку с продуктами, а меня нет, вот, он и сказал: «Где этот абориген хренов?». Так и прилипло ко мне это прозвище, а я и рад, что стал здесь аборигеном, а не москвичом в столице, – рассказывал он.

Когда мы уходили, Абориген подошёл ко мне и показал несколько толстых общих тетрадей, исписанных мелким почерком.

– Алексей, если со мной что случится, заberi это себе. Я знаю, что ты пишешь, может, тебе пригодятся мои мысли.

Немногие знают, что иногда в мелких ямках и бурлящих перекатиках, под корягами и береговыми вымоинами прячется от глаз рыбака, слившись с дном, здоровенный килограммовый харюзина. Прямо в устье Глубокого издавна лежит огромный валун. Ручей разбивается об него и делится на два. Почему-то вода ручья метров пятьдесят не смешивается с Каменской мутной, и я люблю ночью ходить по этой прозрачной полоске в болотниках с фонарём и острогой. Здесь в холодную чистую воду на ночь сплывает «отдышаться» рыба: щуки, налимы, харюза, сиги, мелкие таймешата и ленки. Здесь хариус хватает только раз. Не успел подсечь – иди дальше: он, выплюнув мормышку, больше её не возьмёт, хоть ты её ему в рот затолкай. Харюза здесь жирные и толстые. Когда чищу их для засолки, то снимаю жир с кишок – он белый, и вкуснее его ничего не пробовал, ни одно масло не сравнить с ним по вкусу и калорийности. Намажешь на хлеб, посыплешь солью, запьёшь горячим чаем – и целый день до поздней ночи больше ничего не ешь, и хоть бы что.

На Инду мы попали после обеда. Подплывая к ней, сразу видишь Чёрную гору, которая отражается в светлой воде реки, вытекающей из распадка. Эта гора – выход из земли большого месторождения каменного угля, но он ещё молодой – и для топки не годится. Обыкновенные каменюки с чёрным отливом лежат по всему берегу, вывалившись из пластов, которые и образовали эту гору. Вдоль речки идёт хорошо наезженная дорога, по ней жители Каменки ездят на покосы, на поля – где сажают картошку.

Олег вёл нас этой дорогой и рассказывал, каких красавцев сигов он выловил на речке в последний раз. Речка была глубокая и отличалась от всех тех, что мы прошли. Это было тихое и спокойное течение воды среди красивых берегов, украшенных

белоствольными берёзами. Мы оказались на чьём-то покосе, на котором стоял трактор «Беларусь» с тележкой, а мужик с бабой граблями ворошили подсыхающее сено.

– Бог в помощь! – поздоровались мы с ними, те ответили, не отрываясь от работы, а мы пошли дальше. До первых ям, о которых рассказывал Олег, оставалось немного. Это было красивейшее место, только картины писать – чисто русский пейзаж Берёзы, спокойная речка и луг, весь пестрящий цветами. Мне совсем не хотелось рыбачить, видимо, за все эти дни я надолго утолил жажду и рыболовную страсть, хотелось просто посидеть и полюбоваться на красоту, созданную Творцом, что я и сделал. Я любовался красотами, и время от времени щёлкал фотоаппаратом. Хотелось привезти с собой домой не только рыбу, которую съешь, а нечто большее.

Красноярский край, г. Назарово

